

ЧЕРЕЗ
ГОВНО
— К —
ЗВЕЗДАМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ДЕНИС БУНИН

Денис Бунин

Через говно к звездам

<https://litres.ru/74006149>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эту книгу я решил написать после общения с одним редактором, который сказал: «Денис, ты должен рассказать о своей жизни и опыте». Потом мой психолог, когда услышал про идею, рассмеялась и сказала: «Да, чел, тебе точно будет что рассказать». На то, что моя жизнь как минимум не обычная, заставил меня задуматься один театральный режиссер. Мы как-то пили с ним водку, и, как во всех мужских компаниях, кто-то травил байки. Как ни странно, в этой компании этим человеком был я. В какой-то момент он начал что-то записывать в ежедневнике. На мой вопрос, что он делает, он сказал, что записывает мои истории и потом предложит снять фильм. Идея — не просто рассказать мою жизнь, а напомнить всем, что жизнь замечательная, но короткая штука. И сидеть на жопе ровно не получится, и не важно, богатые родители у вас или нет. Деньги могут закончиться, да и не в деньгах счастье.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	29
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Денис Бунин

Через говно к звездам

Глава 1

Давайте так: чтобы я дальше ни написал, все события в этой книге основаны на реальных переживаниях автора. Однако имена персонажей, географические названия, даты и некоторые детали изменены или вымышлены. Любое совпадение с реально живущими или ,когда-либо жившими людьми ,случайно и непреднамеренно. Ни один персонаж не является портретом конкретного реального человека — все они композиционные образы. Автор и издательство не несут ответственности за возможные совпадения. Я никого не хотел обидеть. Наркотики, алкоголь — всё зло.

Эту книгу я решил написать после разговора с одним редактором. Он сказал: «Денис, ты должен рассказать о своей жизни и опыте». Потом мой психолог, услышав про идею, рассмеялась: «Да, Денис, тебе точно будет что рассказать». А задуматься о том, что моя жизнь, как минимум, необычная, заставил театральный режиссёр. Мы как-то пили с ним водку и, как водится в мужских компаниях, кто-то травил байки. В той компании этим человеком был я. В какой-то момент, он начал что-то записывать в ежедневник. На мой

вопрос, что он делает, ответил: записывает мои истории и потом предложит снять фильм.

Идея — не просто рассказать мою жизнь, а напомнить всем: жизнь замечательная, но короткая. Сидеть на жопе ровно не получится, и неважно, богатые у тебя родители или нет. Деньги закончатся, да и не в деньгах счастье.

Это история о том, как я рос и полз к мечте. Не к деньгам — к мечте. Я всегда говорил: лучше не достигнуть, но сдохнуть по пути, чем не попробовать.

Итак, как я часто говорю: родился я в счастливой советской семье. Мама — литовка, папа — хохол, а я сам коренной белорус. Детство протекало между этими странами. Было оно, как у всех моих сверстников. Чтобы было понимание: я не был отличником, но и не двоечником — я был середнячком. Поведение хромало. Мы вечно что-то придумывали и ставили на уши то класс, то школу.

В то время у меня была учительница младших классов Анна Иосифовна. Неприятная тучная женщина. Любимая поза — усесться на свой стол, закинуть ногу на ногу и так вести урок. Или, во время занятий, приходил её сын, ученик старших классов, и она кормила его за учительским столом. Для меня она была истеричным тираном, унижавшим детей. Могла кричать на ученика, что он дебил, и подбивать класс посмеяться. Я бунтовал, и она меня не взлюбила.

Как-то на уроке, она схватила меня за ухо и потащила в учительскую. По пути я вырвался, но не убежал — пошёл ря-

дом. Зайдя в учительскую, она начала верещать: либо я, либо она. Все учителя были в шоке. Итог: на следующем уроке я уже сидел в другом классе. А к концу дня влюбился в нашу классную учительницу. Это было как рай и ад. Она медленно, всегда с улыбкой, рассказывала предмет и постоянно спрашивала, всё ли понятно. Объясняла спокойно, если непонятно. Была красивая, утончённая — знаете, как в книгах аристократов описывают. Я стал учиться немного лучше и уже не срывал уроки. Мне повезло доучиться с ней до конца года.

Я, как всегда, вытянул лотерею, и на моём поколении решили провести эксперимент: разделить учеников по успеваемости и поведению на классы. Так как у меня был конфликт с учительницей младших классов, которая в итоге стала завучем, я попал в Е-класс. «Е» — ниже падать было некуда. Элита из элит. Я прошёл в этом классе и Афганистан, и все войны вместе взятые. У нас была девочка, занимавшаяся греблей. Так вот, она как-то была моего одноклассника, который, на минуточку, со мной занимался американским футболом и был одним из центральных игроков. Была она его партой. Не линейкой, не портфелем и даже не стулом — именно партой. Класс был как на подбор. Занятия были формальностью, все учителя шли к нам как на каторгу. У них, что ни урок — был праздник.

Я дрался, почти каждую неделю, за школой, и мне это не нравилось. Видел подстрекателей: более мелкие, они страв-

ливали неударённых интеллектом одноклассников и в хаосе избегали драк, оставаясь в топе. Это был третий путь — анализ и управление. Я был не глуп и решил попробовать. Когда не срабатывал — прибежал к первому. Так, путём проб и синяков, наладил классный быт.

Сдружился с тёзкой Денисом, и мы сели за одну парту. Он был довольно умным, сообразительным, но помельче меня, хотя тоже спортивный. Сидели на последней парте и подстрекали весь класс. Шутили и подкалывали, не только одноклассников, но и преподавателей. Например, у одноклассника Юрия Клюева (ура, прости за всё) папа работал на аэродроме и имел доступ к дюралиюминию, магнию и другим странным металлам. Как-то утром прибегает Юра, достаёт свёрток газеты и говорит: «Сейчас я вам покажу» — кладёт на учительский стол и собирается поджигать. Мы же не глупые. Говорим: «Юра, ты тупой? Нас за учительский стол кончат. Давай перевернём стул, поставим на стол, а потом уже твой пакет». Перевернули стул на стол и торжественно подожгли свёрток. Шоу было впечатляющее: фейерверк в метр взвился вверх — сотни бенгальских огней, вперемешку с яркими, разноцветными вспышками. Класс заволокло едким дымом, выползали на карачках, ничего не видно. Дым заполнил коридоры, и уже через пять минут, завуч с учительницей русского языка ,проветривали кабинет.

Эта хрень прожгла и стул, и стол, и линолеум до бето-

на. Так проходил наш стандартный день. Спички в замок, чтобы не могли утром открыть класс перед контрольной, — это самое простое, что мы делали. Одно могу сказать: наш класс выигрывал все спортивные соревнования в параллели! Не потому, что был самым спортивным, а потому что после школы идти домой, проиграв нам, было спокойнее.

В те годы был классный журнал, куда ставили оценки. И тут мы отличились. Я как-то увидел, как преподаватель выводит чернила вонючей жидкостью. На вопрос, чем воняет, она выдала военную тайну, напрямую повлиявшую на нашу успеваемость. Хлорка! Мы быстро нашли эту субстанцию — целый бак стоял у уборщиц, они ею мыли полы. И о чудо — мы начали сразу учиться лучше, двоек становилось всё меньше, пока не словили с поличным. С тех пор, даже журнал нам не доверяли.

Мы сами были виноваты в таком отношении, но это был очередной государственный эксперимент, отлично смотревшийся на бумаге. В итоге, нас разобрали по классам, хотя, связи с одноклассниками из других классов, уже были сформированы. Нам повесили бирку неудачников и отсталых. Мы поверили в навешенные ярлыки. Были детьми, и нам пришлось подстраиваться под очередные изменения, навязанные извне.

Какой урок я вынес: всё нестабильно, стабильность — иллюзия, нужно выживать. В классе было большинство умных

ребят и девочек. Просто преподавателям не хватало любви и мудрости, чтобы выстроить диалог. Им проще вешать ярлыки — мы отвечали взаимностью.

Всё менялось, когда приходил мудрый преподаватель. Таким был Ветров Юрий Владимирович. Борзый, интеллигентный еврей, знавший себе цену. Первое занятие прошло не как у всех. Он зашёл, велел открыть новые тетрадки и записывать на внутренней стороне обложки всё, что он будет писать на доске. Большими буквами внизу страницы написал: «Ветров Юрий Владимирович» — и заставил всех переписать. Все молча выполнили. После чего сказал: «А теперь рисуем. И я не хочу, чтобы подобные знаки вы рисовали в туалете. Не хотите — изображайте в тетради истории», — и начал рисовать большой жирный круг на всю доску, а в конце поставил жирную точку в центре. Мы замерли от изумления и восторга. Учитель сам нарисовал знак пидараса на доске. А снизу были его имя, фамилия и отчество. Он громко сказал: «А теперь, все нарисовали в тетрадях». Все молча, переглядываясь, нарисовали. Он знал, что мы толпа, и работал с толпой гениально и обезоруживающе. Все туалеты были расписаны пожеланиями от учеников учителям, но про него не было ни строчки. Не было смысла. Я открыл тетрадь истории и на титульном листе видел: «Ветров Юрий Владимирович — пидарас». И я был с этим не согласен.

Он был человеком принципов. Всегда, приходя в класс, вызывал рандомно людей и ставил три двойки за урок. Или

опрашивал весь класс. Была ситуация: «Лагуткин — вопрос». Лагуткин мычит, не знает, что ответить. «Садись, два». «Дроздов — вопрос». Дроздов мычит. «Садись, два». «Ильина — вопрос». Ильина, бекая-мекая, пытается ответить. «Садись, два». «Бунин — вопрос». Я встаю и с улыбкой: «Так уже есть три двойки». Он молча посмотрел в журнал. «Бунин, садись». Открыли тетради — тема урока: история древнего мира. Я никогда не записывал его лекции, слушал как захватывающие истории, но плохо запоминал даты. Поэтому у меня было четыре, а не пять. У меня был язык без костей, мог пересказывать эмоционально, описывая красочно, додумывая логичные подробности. Он, видя, что знаю материал, быстро сажал на место, потому что я мог не один урок рассказывать про палку-копалку. А мне это и нужно было: когда он сомневался в знаниях, начинал валить вопросами с датами и с гордостью называл себя бульдозером дат.

Это был очередной урок: используй свою сильную сторону, избегай слабостей.

В седьмом классе появился предмет под названием физика. Как всегда, всё зависело от преподавателя. Она была жёсткой, хладнокровной, грубой — мы не влюбились её все сразу. Да и предмет не зашёл. Но, нужно отдать должное моей маме. Она проявила любовь и терпение. Как-то вечером села рядом и начала рассказывать, что такое физика.

— Вот слышишь, дверь скрипит. Это закон трения. Смазать — трение исчезнет. А вот отпускаем учебник, и он па-

дает на стол. Упал с хлопком и раскрылся. Это закон тяготения. Всё в мире — физика. Рассветы, закаты — всё это физика.

После этих слов я задумался и сосредоточился. Она открыла учебник и на примере законов, начала рассказывать на жизненных примерах. Я понял физику за вечер. С тех пор, это стал мой любимый предмет. Мы с одноклассником чуть ли не дрались, кто будет отвечать. За две четверти, я стал лучшим учеником по физике во всех параллелях. Ни одной тройки, не говоря уже про двойки. Пару четвёрок, а так — одни пятёрки. Для меня это была игра, в которой я разобрался, и я гордился этим. Это был единственный предмет, который я ждал. Спасибо, мама.

Как-то пришли в кабинет физики, и учитель объявила контрольную. Я был в предвкушении. Сидел, ждал, пока раздадут тетради. Все открыли и начали писать. Мне тетрадь не дали. Подошёл к преподавательнице, сказал, что у меня тетради нет. Она спросила одноклассника, почему мне не дал. Тот, краснея, смотря мне в лицо соврал, что давал ещё на первом уроке. Я, возмущенный такой наглостью, начал доказывать, что он врёт. Учительница успокаивала. Я взял себя в руки, сказал, что могу решить на листочке. Каково было моё удивление, когда она ответила, что нельзя на листочке, будет двойка. Я пытался ей объяснить, но она была непоколебима и выставила меня за дверь. Я негодовал, пошёл домой. Жил возле школы, через пять минут был дома. Отец спросил, по-

чему так рано, и я рассказал. Он молча оделся и мы пошли в школу. Чтобы вы понимали: это был первый и последний раз, когда мой отец пошёл в школу.

Придя в класс, он позвал учительницу, попросил дать мне шанс. Говорил при ней, что мне нравится предмет, и если не дать шанс, я забуду на физику и они все пожалеют. Отец хорошо меня знал. Спокойно разговаривал, но увидел её равнодушие и непонимание, попрощался, и мы молча пошли домой.

За ту контрольную поставили двойку не потому, что я не знал, а потому что она нас не любила, и её принципы были важнее знаний и счастья детей. Это поменяло моё отношение к предмету и учителю полностью. Мне стало не просто всё равно — я стал ненавидеть. Начал срывать уроки под разным соусом. Например, пришли, увидели на столе электросхему, и на перемене напихали в неё петард. Понятное дело, что произошло, когда подали электричество. Это доказывало, что физику я знал.

Так у нас сменилось три преподавателя, пока не пришёл подбуживающий, но добрый мужичок и стал не только учителем физики, но и классным руководителем.

По итогу эксперимент закрыли, и наш класс расформировали по другим. Я неплохо учился, и меня с Денисом и Дроздовым запихнули в А-класс. Это был тихий ужас по сравнению с Е-классом. Если мы знали ответ, выкрикивали с места, а весь класс, с недоумением смотрел и аккуратно, под

прямым углом ,тянул руку. Так я узнал, что есть система, которая тебя уравнивает. Есть любимчики, кто правильно выполняет условия. Не задачу решает, а условия. Где все умные, умным быть мало! Тебя уже начинают выбирать: удобный или нет. Я был против системы. Е-класс воспитал во мне борьбу и включил кнопку выживания. Бить тут никого не нужно было, и тебя никто не хотел бить. Они тоже были стадом, но другим. Аккуратным, заученным, но тоже стадом. Я протянул недолго и через пару месяцев попросился в Г-класс. Он был ближе мне, а Дроздов и Денис остались там.

Уже в старших классах, из-за подвешенного языка, попал в команду школьного КВН. Это было довольно весело: можно было не ходить на уроки, а сидеть репетировать и прикалываться в актовом зале. Мне нравилось дурачиться на сцене и всех смешить. Часто ездили на конкурсы в разные школы. Даже в конце года заняли второе место среди школ города. Самое смешное — когда вернулись с финала , нас награждали в актовом зале. После награждения, за кулисами ,подходили учителя, поздравляли. В этот момент подошла Анна Иосифовна. Обняла меня: «Ты мой любимчик, я всегда знала, что из тебя толк получится. Я столько в тебя вложила!». Я еле сдержался, чтобы не высказать всё в лицо. Сбросил её руку с плеча, поблагодарил других учителей и молча ушёл.

В нашей параллели училась милая ,спокойная девочка Лида. Отличалась только тем, что у неё что-то было с ногой или коленом, и она немного волочила ногу за собой. Её ни-

кто не дразнил и не обижал — она была доброй, улыбчивой, да ещё и девочкой! Как-то завуч зашла в класс и сообщила, что Лиде делали операцию на ноге, чтобы вылечить, а она умерла от наркоза или чего-то подобного. Для детей смерть — страшно! В моём детстве было много похорон ветеранов, и их всегда хоронили с военным оркестром. Эта музыка на-мертво въедается в детскую голову. Мы всей параллелью — более ста детей — были на ее похоронах ,возле подъезда. Но там ,раньше, старики-ветераны, а тут девочка, твоя сверстница!Вчера ходила по школе, улыбалась, а сейчас с бантами ,в гробу, а рядом ,воет серого цвета мать. Так пришла, но не полностью, мысль, что мы смертны.

Глава 2

У нас, в то время, не было ни YouTube, ни интернета. Вернее, интернет только появлялся, и чтобы к нему подключиться, нужно было занимать домашнюю телефонную линию, а счёт выходил просто конский — за одну скачанную фотографию. Чтобы чему-то научиться, у тебя было всего три возможности.

Первое — школа. Там учили урокам и правильному поведению.

Второе — навыки и увлечения твоей семьи. Если в семье медики, вряд ли познаешь все тонкости гончарного искусства.

И третье — улица. Улица учила держать удар, слово и репутацию. Круг общения сводился к этим трём группам. Улица учила быстро, но больно. Школа — медленно, но методично. А семья учила, как могла, тем, что умела.

Мне повезло с дедушкой и бабушкой по маминой линии. Дед работал в правоохранительных органах. А бабушка... Нет, не бабушка — она очень не любит, когда её так называют. Мы зовём её Бу, Буня, Бабунь. Ну, например: «Бабунь, а что на ужин?» Когда я пишу эту книгу, я еду в Вильнюс, её навестить. Ей, на данный момент, уже девяносто четыре года. Это до сих пор мудрейший человек, который проводит

дни в беседах или за разгадыванием кроссвордов.

В моём детском воспитании, она принимала непосредственную роль, хоть мы и жили в разных городах. У нас в родне нет понятий «родной брат», «троюродный дядя» и так далее. Нас всех свозили к Буне на дачу, на лето и мылись в одном тазике.

У бабушки был бассейн. Небольшой, максимум чтобы окунуться после бани. Микролягушатник. Но для нас, детей, в жару — оазис счастья! Нам нельзя было просто с утра до вечера болтаться в нём. Буня нарезала нам задачи. Она всем раздавала по эмалированной кружке, и мы шли в лес собирать землянику. Так как я был самым маленьким, мне давали тару грамм на двести. А вот не везло старшим девчонкам, моим сёстрам, — им давали литровые.

Нас учили: всё можно получить, но нужно немного потрудиться. Я, как самый мелкий и хитрый, начинал ныть сёстрам, и они помогали собрать мою порцию — ведь большую часть я собирал себе в рот. Лесная земляника — одна из чудеснейших ягод, какие мне доводилось пробовать. Сладкая, чуть кисловатая, с едва уловимой ноткой горчинки.

Все семьи тогда были похожи и одинаковые. Вообще непонятно было, у кого деньги, власть или связи. Все ездили на одинаковых машинах, одинаково одевались, у всех стояла одинаковая мебель. Звучит странно для нынешнего поколения, но в этом была своя романтика.

Я, как уже говорил, жил и рос, как мне казалось, в обыч-

ной семье. Мы ничем не выделялись. Типичная квартира, правда, мебель из ГДР. Что нас отличало — так это холодильники.

Мы часто после школы шли к кому-то домой, у кого нет родителей. Как и все голодные сверстники, первым делом заглядывали в холодильник. Я помню, как пришли к Виктору: его мама работала на фабрике, где делали глазированные сырки. Весь холодильник был забит этим творожным лакомством.

Моя мама работала инженером на рыбокомплексе — вся рыба, морожёная, консервированная или живая, поступала и распределялась через них, как я понимаю. Работники в первую очередь имели доступ к этим товарам. Тогда зарплату могли выдать продукцией — например, три ящика рыбных консервов. Кому не повезло, могли дать и велосипеды. Одним словом, в то время не продавали: был обмен живыми товарами, бартер на всё.

Так я понял, что консервы, которыми был завален наш холодильник, — чистое золото. Кильку в томате любили все. Как-то маме на работе досталось по большому благу, двадцать ящиков мороженого камчатского краба. Это было зимой, и родители сложили это богатство на незастеклённом балконе. Зимы тогда были морозные, и наш балкон превратился в большую морозилку с крабами.

Камчатский краб — самое вкусное, что я когда-либо про-

бовал, а я гурман ещё тот! Представьте: каждый ужин — камчатский краб. Сейчас это звучит безумно, но тогда это был выбор без выбора. Родители меняли его на свинину, и тогда мы шикавали свиной.

Поймите: всегда у кого-то лучше, чем у вас. Кто-то от безысходности ест каждый день камчатского краба или оленину и с удовольствием бы поменялся с вами на вашу тарелку. Когда у меня упал гемоглобин, мама принесла банку чёрной икры, и меня заставляли есть её ложками — у меня с рук, как от ожогов, слезала кожа. Я до сих пор не люблю чёрную икру.

Но вернёмся к деньгам, работе и мечте.

Как и все подростки, мы фантазировали и точно не понимали, чего хотим от жизни и чем хотим заниматься. Хотели просто гулять, играть и отдыхать.

Я был подростком в девяностые годы, и это была трагедия для большинства. Закрывались предприятия, люди оставались без работы и заработков, как моя мама, им нечем было кормить семьи. Сейчас я понимаю, как это страшно — пустой холодильник, а детей кормить чем-то нужно. Рушилось не просто государство, а планы целых поколений.

Я помню, как папа принёс домой свиные желудки. Мама молча чистила и готовила нам на ужин картошку с жареными желудками и луком. Я обожал это блюдо — очень вкусно. Но для мамы это был кошмар: чистить желудки — заня-

тие мерзкое и неприятное! Но что не сделаешь ради детей. Спросите у родителей или бабушек, если не застали то время, как они питались и что чувствовали. Это были пустые полки магазинов или просто отсутствие денег, чтобы купить хоть что-то покушать. Страшное время для взрослых. Но мы, подростки, не совсем понимали, что происходит, и радовались жизни.

В старших классах я столкнулся с криминалом и всем, что его окружает. Видел, чем занимаются старшие ребята и как всё происходит. Мои родители таскали товары в Польшу на продажу, а оттуда волокли тостеры, фритюрницы, кроссовки и прочее барахло. Я не работал, а со сверстниками промышлял всякой ерундой.

Время шло, и школу я заканчивал уже в девяносто седьмом. За окном была другая страна. Народ зарабатывал как мог, бабушки продавали семечки, стаканчиками в кулечки из газеты. Повсюду были киоски, в которых продавались сигареты поштучно, а на всех рынках и стадионах, выросли стихийные бутики на картонках. Криминал немного подмяли, и в стране было более-менее спокойно. Работы особо не было и все крутились как могли.

Я, как и все сверстники, занимался всякой ерундой и грезил о великом. Мой отец начал ездить в Германию, на заработки. Он ехал на два, три месяца и там работал у знакомого немца, на стройке. Они строили коттеджи, и по итогу пару месяцев, он возвращался на купленном автомобиле, забитом

всякими подарками. Когда он вернулся с очередной ,такой поездки, привёз мне кроссовки немецкой фирмы. Это был не Adidas, и я очень расстроился ,и высказал ему, как подросток, своё «фу». В то время все подростки ходили в кроссовках белорусской фирмы, или, у кого были деньги, все покупали Adidas. Сейчас звучит странно, но в то время мы перепродавали б/у вещи друг другу. Одни кроссовки ,за свою жизнь ,могли сменить с десятков владельцев. Кроссовки перепродавались ,как сейчас автомобили — только среди подростков. И вот мне подарили не новую BMW, а Opel! Хотя я ездил на стареньких Жигулях. Сейчас я понимаю, как тяжело было отцу зарабатывать на эти кроссовки, и как я был не прав. Но, в тот момент ,я был молод и глуп. Отец поступил, как мудрый человек. Он просто сказал, что с этой минуты у меня нет карманных денег, и я одеваюсь сам ,за свои деньги. Итог: я вечно стрелял у всех деньги, и у соседа в том числе.

Как-то раз я попросил одолжить сто долларов, а он предложил работу. Им нужны были грузчики, чтобы разгружать свиные туши на рынке. Предложил неплохие деньги, и я, подбив товарища, согласился.

Чтобы вы понимали: на тот момент, я был очень брезгливый и заставлял маму порезать мясо перед отъездом на дачу, чтобы потом вилкой, не дотрагиваясь до мяса, мог приготовить себе ужин.

Моя работа заключалась в том, что я летом ,в шесть утра

приходил к соседу, будил его вместо будильника, и ,пока он был в душе, делал ему и себе кофе. После чего ,мы ехали на рынок, и в семь утра приезжала машина, которую мы с товарищем разгружали. Работа была тяжёлая и грязная. По началу ,меня воротило от запаха и в целом, от всего происходящего. Туши весили от шестидесяти до ста двадцати килограммов, а свиноматки — и того больше. За пару дней джинсы ,в которых мы работали, превращались в жирную кровавую тряпку. Мы работали максимум полтора часа, а потом я был свободен на весь день. Да мы уставали и я быстро сорвал спину. Но я зарабатывал очень не плохо и мог покупать себе вещи. Со временем ,брезгливость прошла.

Потом нас переманили конкуренты, предложив из принципа ,в два раза больше денег. Так мы начали работать на Михаила и его команду. Я видел, как делаются большие деньги, и как ребята выживают в непростых условиях.

Была ситуация, когда мы приехали на рынок, а машина не пришла. Продавцы шептались и были озабочены. Через полчаса к нам подошли ребята и сказали: «Есть проблема, поехали подзаработаете». Мы прыгнули с товарищем в машину и поехали.

Ехали на бойню по лесной дорожке, пока не выехали к искусственному водохранилищу, где на обочине стояло человек пятнадцать мужиков, а трактор что-то тянул из воды. Мы вышли и молча смотрели, как стальными тросами вытаскивают... Мгновение — и мы увидели крышку скотовоза.

Это такой металлический фургон, на котором на бойню возят свиней. Он медленно выезжал на дорогу в полной тишине. Из всех отверстий ручьями текла вода.

Я подошёл к владельцу бойни и спросил, что произошло. Он рассказал, что их решили подставить и продали ворованных свиней. На бойне была облава, чтобы взять их с поличным. Но они обыграли и приказали водителю утопить всё. Концы в воду. Милиция, ОБЭП были в шоке. Они вели скотовоз по всему пути, и когда тот въехал на последний участок, убрали слежку — через три километра была бойня. Когда на бойню приехал пустой тягач без прицепа, все были в шоке. Шмонали всё утро прилегающие леса и окраины. Проезжали мимо озера в поисках прицепа много раз, но не нашли.

Когда мы выбрасывали мёртвых свиней из прицепа, я всё думал о том, с какими деньгами работают ребята. Для них фура мяса — как расходы на канцелярию, а для простой семьи, даже одна свинья — несколько месяцев сытого стола. Риски и проблемы в бизнесе — часть жизни бизнеса! Разваливаются и исчезают империи, а вы наивно полагаете, что бизнес может быть стабильным. Бизнес — это риски, и чем больше бизнес, тем больше риски. Даже если вы всё делаете правильно, это не значит, что вы не подвержены риску.

Через пару месяцев, я уже был не просто грузчиком: научился разделявать полутуши и начал продавать мясо на рынке. Я уже не брезговал — это стало рутинным ритуалом.

Как-то в пятницу мы с товарищем, начинающие продавцы, взяли на выходные трёх свиней. Это большой объём для одной мясной точки на три дня. Мы, молодые неопытные ребята, начали разделять свиней и раскладывать товар. Подходили люди и покупали. В какой-то момент у нас уже стояла очередь: я продавал, а товарищ еле успевал выкладывать товар. Мы не смогли опомниться, как за три часа продали почти девяносто процентов всего, что взяли на три дня. У нас были пакеты наливки, мы были уставшие и мокрые.

Только в тот момент я посмотрел по сторонам и увидел, что из точек максимум пятидесяти на рынке работает от силы восемь. Не мог понять, где все. Предложил товарищу хоть сходить на рампу покурить и попить кофе. Взяли по стаканчику кофе, запихнули пакеты с наливкой под белые халаты и пошли.

От увиденного на рампе мы были, мягко говоря, в шоке. Вся рампа была заставлена тачками с тушами мяса, а рядом, с руками за головой, лежали все продавцы, в окружении ОМОНа. Мы медленно просочились, мимо лежавших коллег и пошли подальше. У нас в руках был только кофе, и на нас никто не обращал внимания.

Только потом узнали, что был рейд налоговой, ОБЭП и всех служб вместе взятых. Все опытные продавцы решили свернуться и вывести товар на холодильники — не работать от греха подальше. А мы, глупые и зелёные, не знали, что

происходит, и остались. Так как конкуренции не было, мы всё продали и сделали трёхдневную выручку, а то и больше, за пару часов. Наше бесстрашие было в нашем неведении! Рядом людей штрафовали и изымали товар, а мы, без санитарных книжек и никаких бумаг, торговали у всех под носом.

И тогда я понял: незнание опасности часто — сила.

Я проработал всё лето, но после поступления ,мне уже было тяжело совмещать. Да мне и не нравилось, что у меня выходной был в понедельник, когда все работают ты отдыхаешь, а когда они отдыхают, ты работаешь.

Как-то осенью мой товарищ Артур предложил подзаработать. Он был на пару лет старше меня и занимался организацией пафосных молодёжных вечеринок. Работа была не пыльная: нужно было потаскать звуковое оборудование на мероприятие. Это было недалеко от дома, и я, недолго думая, согласился.

Приехав на место, мы разгрузили бус с аппаратурой и расставили её в небольшом помещении. Диджей быстро всё подключил и провёл саундчек. Я тоже слушал клубную музыку и, с большим удовольствием ,послушал её на хорошей акустике. Вскоре начали подтягиваться посетители, и Артур предложил подработать в качестве охраны.

Хоть мне и было шестнадцать лет на тот момент, но я был метр восемьдесят восемь и весил девяносто килограмм, занимался дзюдо и американским футболом. То есть ,что-то мог кому-нибудь сломать. Мы ,с ещё одним парнем ,встали

на входе и проверяли билеты. Работа не сложная: это была не районная дискотека, пьяных было минимум. Приходили красивые девушки и хорошо одетые парни. Одним словом — золотая молодёжь!

Я периодически ходил в зал, чтобы послушать музыку и проверить, всё ли спокойно. Что-то особенное было в этих камерных, маленьких вечеринках — это глубоко засело мне в голову, и я часто начал посещать такие мероприятия впоследствии.

Вскоре, Артур устроил вечеринку в стриптиз-баре, и, понятное дело, мы все были приглашены. Мне тогда было девятнадцать, остальные — на пару лет старше. Я был там впервые и, если честно, сразу это не произвело на меня особого впечатления. В центре — сцена с шестом, вокруг — диванчики, вдалеке — закрытые кабинки.

В тот вечер, это был не просто стриптиз, а вечеринка с диджеем и танцами. Стриптизёрши выступали больше как go-go. Там я встретил своего товарища — интеллигента, очень доброго и умного, но немного скромного и ссыкливого. Мероприятие только начиналось, людей ещё было мало, и он предложил пойти покурить.

Мы спустились вниз и вышли через зал, с игровыми автоматами, на угол клуба. На улице было темно, мы стояли в тёмном углу. Он достал самокрутку и предложил. Я, недолго думая, взял и закурил. Мы скурили почти половину, когда из

дверей клуба вышел огромный, коротко стриженный, квадратной формы мужчина ,в длинной чёрной кожаной куртке ,с пивным бокалом в руке.

— Ну что, ссыте? — пробормотал он.

Вопрос был непонятен. То ли он обвинял нас, что мы мочимся от его вида, то ли в том, что мы обыскаем углы — было неясно. У меня в руках тлела самокрутка, а он подошёл вплотную. Я, недолго думая, протянул ему и спросил:

— Будешь?

Он как-то странно усмехнулся, взял самокрутку и сделал глубокую затяжку. А на выдохе сказал:

— Обычно прокурору такое не предлагают.

Мы присели. Товарищ стал белого цвета. Мужчина протянул мне самокрутку и пошёл обратно. Мы выбросили самокрутку и решили возвращаться в клуб уже через другой вход. Не сильно его рассмотрели — было темно, — но очень надеялись, что и он нас тоже не запомнил.

Войдя в клуб, мы тихонечко сели на диванчик. Адреналин сковал тело. Мы посмотрели друг на друга и начали громко смеяться на весь зал. Все посетители обернулись, и мы, пытаясь сдерживать смех, прикрыли рты руками. В этот момент подошёл Артур:

— Чего вы ржёте на весь клуб?

Мы, в захлёб, рассказали ему историю. Он тоже посмеялся.

— Ладно, давайте тише, сейчас шоу будет, — сказал он и, усевшись рядом, начал смотреть на сцену.

Мы успокоились, и на сцену вышла стриптизёрша, лет тридцати, в белом белье. Я сидел очень близко и мог в деталях рассмотреть её. Уставшее, безэмоциональное лицо, механические движения и потное тело в блесках выглядели странно — или, скорее, удручающе. Для полноты картины ей не хватало ошейника и надсмотрщика.

Это заметил не только я. На заднем плане играла красивая восточная музыка, был приглушённый свет, но это не вызывало того эффекта, на который все рассчитывали.

В этот момент поднялась наша знакомая. Ей было восемнадцать. Невысокая, но с грациозной фигурой. На ней была водолазка на голое тело, и силуэт её второго, может, третьего размера был хорошо просматриваем. Джинсы в обтяжку подчёркивали упругую попу. Она медленно начала танцевать в ритм томному треку — и все тут же забыли про стриптизёршу. Все взгляды обратились к ней. А она, игнорируя взгляды, продолжала танцевать с закрытыми глазами.

Артур смотрел на неё, потом на стриптизёршу, потом опять на неё. Потом перевёл взгляд на меня и, не отрывая глаз от танцующей, тихо сказал:

— Зря я за шоу гонорар отдал.

Мы опять начали ржать. Но уже тихо, в кулак.

Так я понял: иногда настоящее искусство — не там, где за него платят. А где человек делает что-то искренне, для себя,

и это затмевает всё вокруг. Этот вечер запомнился мне не стриптизёршей, за которую заплатили, а девушкой, которая просто танцевала — и затмила профессионалку. Возможно, именно тогда, я впервые осознал, что искренность стоит дороже профессионализма, выполненного без души.

Глава 3

Время шло, я, по-прежнему, влипал в неприятности и перебивался случайными заработками. Как-то за месяц до Нового года Артур предложил съездить на площадку, где они планировали сделать новогоднюю вечеринку. Мы сели в машину и поехали за город. На берегу водохранилища стоял полузаброшенный советский санаторий — он был олицетворением того, что сейчас происходит со страной. Это величественное советское здание, которое находилось в аварийном состоянии. В большей части здания, не работало отопление и канализация. Ремонта не было уже лет двадцать, и даже окна в нежилых корпусах, были заколочены фанерой.

Мы подъехали ко входу, где нас встретил высокий диджей по имени Паша. Мы поздоровались и вошли в большой, просторный, сырой и холодный холл, одна сторона которого была зашита большими зеркалами. К нам сразу подошла упитанная барышня и повела нас наверх, в ресторан. Это был большой ресторан-столовая, который видел времена и получше. В помещении никого не было, горел дежурный свет. Мы все сели за стол, и Паша начал с тучной женщиной обсуждать меню.

Мне это было не очень интересно, и я просто рассматривал потолок зала. Вся побелка и штукатурка над нашими головами от старости, сырости и влажности свернулась в тру-

бочки и готова была упасть от любого дуновения ветра. Я улыбнулся и сказал ребятам:

— А вы не боитесь, что когда тут заиграет киловатт двадцать-тридцать звука, вся штукатурка полетит в тарелки?

Все подняли голову, и Паша, посмотрев на потолок, сказал:

— Да, это проблема.

Тучная женщина нервно засмеялась:

— Ну что вы придумываете! До сих пор не падала, а сейчас упадёт?

Она не понимала, что такое тридцати киловаттный звук в помещении!

Я предложил, дёшево и сердито ,поставить шатры, а в них уже сажать людей. Я уже не помню, кто и как предложил, армейские парашюты натянуть. Так как армия была голодная, у них можно было взять что угодно.

Недолго обсудив меню, мы пробежались по помещениям и обсудили список предстоящих работ. А работы предстояло очень много. Как минимум — разморозить некоторые туалеты, в них банально стоял лёд из-за того, что помещение не отапливалось. Мне ребята поручили найти многое по списку и подготовить танцпол драм-н-бейса. Мне выделили смешной бюджет и сказали: всё, что останется — моё.

Мы ударили по рукам, и я начал обзванивать знакомых, чтобы найти парашюты. В итоге оказалось, что у моего знакомого отец работал в военной части под городом. Когда мы

приехали в часть, нам открыли все закрома Родины — купить ли, взять в аренду — было можно почти всё, кроме оружия, да и то, сомневаюсь.

Мы рассказали, что мы организовываем, и что нам нужно. Итог: мы взяли пятнадцать парашютов и армейский небольшой генератор, и, собираясь уходить, нам предложили прожекторы недорого. Меня это заинтересовало, и мы пошли к прожекторам. Пройдя мимо ангаров, мы подошли к выстроенной в ряд разной военной техники. Её предназначения я даже не понимал.

Отец товарища бодро запрыгнул в кузов военного грузовика, скинул брезент с кузова и сказал:

— Смотрите, какой красавец!

На весь кузов военного грузовика стоял один огромный прожектор. Он постучал по нему и начал зачитывать характеристики:

— Луч до тридцати пяти километров, угольный стержень горит пятнадцать-двадцать минут. Да вашу вечеринку из космоса видно будет!

У меня отвисла челюсть! Я посмотрел — таких машин стояло штук пятнадцать. На мгновение представил, как это будет смотреться.

— Сколько?

Точно уже не помню сумму, но она была немаленькая.

— Я спрошу у партнёров, и если что — отзвонюсь.

Он всё не утихал:

— Может, вам салют нужен? Тоже можем договориться.

— А салют сколько?

Тут он задумался:

— А сколько вам установок? С оцеплением или нет?

— Ой, давайте я уточню, и если что — вам наберу. Но спасибо за предложение.

— Ну, вы мой номер знаете, если что — звоните, — сказал он и начал зачехлять прожектор брезентом.

Мы загрузили всё в бус и поехали на площадку. По приезду, я рассказал ребятам, но они сразу отказались — не потому что дорого, а потому что это привлечёт ненужное внимание к ,не совсем законной, вечеринке. Мы быстро смонтировали парашюты, запустили генератор, и я поехал домой, так как мне ещё нужно было решить, что сделать с танцполом.

У меня родилась идея, и по пути мы заехали на рынок, где я купил метров сто верёвки, проволоки и пару баллонов кислотной краски. По приезду домой ,я из проволоки сделал каркас паука и начал его обматывать мокрой газетой, придавая ему форму. Через пару часов, у меня был полутораметровый паук из проволоки и газеты.

Вскоре пришла мама с работы, и я попросил её помочь обшить его тканью. Так ,мы с мамой ,проездили ещё несколько часов. В итоге мы его и паутину, связанную из верёвок, покрасили из баллончиков ярко салатовой краской. Смотрелось всё очень прикольно.

Время пробежало очень быстро, и это был мой первый

Новый год, на котором я работал, а не сидел за семейным столом или, как все мои сверстники, на съёмной квартире. На таких мероприятиях очень много вопросов, которые нужно решать очень быстро.

Тридцать первого числа я был на площадке с самого утра и занимался оформлением и подготовкой. Уже начало темнеть, когда ребята сказали, что нет самого важного — ёлки. Рядом стоял Толик, который сказал, что он поможет с ёлкой. Мы взяли топор и по сугробам поползли в лес.

Я не знал ,до этого момента ,Толика и мы разговорились. На мой вопрос, чем он занимается, он поведал мне очень забавную историю. Он открыл ООО и очень грамотно назвал его. Я не могу рассказывать все подробности, но представьте самую известную международную компанию, которая занимается экологией. А он взял и к их названию добавил слово «Бел». И получилось, как будто он их филиал. Всё гениальное— просто !

Я тут же понял, как мы можем зарабатывать. Тогда все белорусские предприятия хотели выйти на европейские рынки, но из-за Чернобыля и политики ,белорусским товарам ставили всякие препоны. А если на упаковке ставить штамп «одобрено Экология Бел"», то товар получался ,как будто одобрен самой крутой международной компанией. Это было гениально.

Обсуждая перспективы нашей совместной работы, мы срубили четыре ёлки и поволокли их на площадку. Мы по-

ставили ёлки на танцполах, украсили, и вскоре начали подтягиваться гости. Я сидел в углу и наслаждался тем, что получилось сделать за короткое время. За пультом работал диджей, и из колонок громко гремела музыка. Как я и предсказал, с потолка отваливалась краска вперемешку с побелкой и падала на танцпол, как снег. Парашюты очень красиво смотрелись, как элемент декора, который не позволял мусору попадать в тарелки посетителей. Я, периодически, ходил между танцполами, смотрел, чтобы всё было хорошо: на барах был алкоголь, у диджеев — вода и так далее. Танцпол драм-н-бейса получился очень прикольным. В углу, на паутине, сидел огромный паук ярко-салатового цвета, и он светился в ультрафиолете, а из-за вибрации бита прыгал на паутине почти как живой. Мероприятие прошло на ура, и утром уставший, но довольный, я поехал домой отсыпаться.

Когда прошли новогодние праздники, я созвонился с Толиком, и мы обсудили совместную работу. Его — юридическая часть, мои — клиенты, и совместные переговоры, все совместно заработанные деньги — пополам. Я быстро накидал список, с кем можно поработать, и начал обзванивать. Я нашёл по справочнику необходимые телефоны предприятий и начал звонить. Я представлялся представителем «Экология Бел», и меня сразу переключали на руководство. Я предлагал им подписать контракт, и что они смогут размещать логотип на своей продукции и писать «одобрено Экология Бел». Как ни странно, нас приглашали на встречу и были

заинтересованы.

Я позвонил Толику, сказал, что нам назначили встречу в крупнейшей компании по производству минеральной воды. Он был рад такому быстрому результату. Через пару дней, в назначенное время, мы стояли на проходной в лучшей одежде, что у нас была, и корчили из себя серьёзных бизнесменов. Нас быстро провели к начальнику отдела маркетинга. Это была девушка лет тридцати с горящими глазами. Она понимала, какие перспективы открывает сотрудничество с нами, и мы быстро согласовали все условия. На тот момент нам предложили четыре тысячи долларов. Так как они не хотели афишировать, что это купленная услуга, и ещё ежеквартальный бонус. Мы же, в свою очередь, берём их сертификат качества и от своей компании проводим независимую экспертизу в лаборатории и подтверждаем, что он соответствует, и мы её одобряем официальным письмом. Все затраты на экспертизу они оплачивали. Для нас, у которых был просто штампик красивый, — это были лёгкие деньги.

Мы всё согласовали, и девушка сказала, что всё ок, но нужно ещё согласовать с директором. Мы мысленно уже поделили и потратили деньги, так что не были против. Она набрала директору, и он принял нас через тридцать минут.

Когда мы вошли в большой кабинет директора, он осмотрел нас с ног до головы. Это был сканер людей, который видел многое, и не так просто сидел в этом кресле. Он разговаривал с нами сразу не как маркетолог, а как человек, который

видел многое и знал вес своему слову. Мы поплыли очень быстро. И уже через десять минут он задал в лоб вопрос:

— Вы имеете какое-то отношение к "Экологии" или "Экология Бел" — это просто клон?

Я хотел возразить и уже надул щёки, чтобы сказать, как он смеет, и тому подобное, но Толик поплыл. Он выпалил всю правду как есть. Я видел, как маркетолог меняется в лице. И в её глазах мы в ту же минуту превратились из представителей мирового борца за экологию в двух малолетних прохиндеев, она перестала записывать и закрыла папку. Директор молчал. Я попробовал исправить ситуацию и, перебив Толика, сказал:

— А что это меняет? Знак у нас есть, и мы можем одобрить вашу воду. Это маркетинг. У людей всё равно будут спрашивать ассоциации.

Директор перебил меня:

— Молодой человек. У нас, первое, — репутация, второе — зачем мне вы за такие деньги? Я могу до вечера открыть такую же компанию за меньшие деньги и написать на бутылке "одобрено" кем угодно.

Я хотел перебить, но он продолжил:

— Я думаю, мы вынуждены отказаться. Если у вас всё, то у меня много работы.

Мы попрощались и молча пошли к проходной. Когда мы вышли за проходную, я сорвался на Толика: кто тебя за язык тянул? Мы долго спорили, но решили попробовать с дру-

гими компаниями. Итог был одинаковый: на определённом этапе мы спотыкались, и нас разоблачали. Я понял, что теряю время, и мы разбежались с Толиком. Мне нужны были реальные деньги, и я часто подрабатывал на стройке разнорабочим, чтобы подзаработать. Также меня периодически подтягивал Артур под организацию мероприятий. Это всё были копейки и нестабильно, а я думал о великом — и хотел всё быстро!

Глава 4

Меня всегда тянуло к великому! Я часто фантазировал и придумывал разные схемы. Иногда на них зарабатывал, а иногда приезжал к старшей сестре, с разбитым лицом и просьбой одолжить денег. Жизнь так устроена: ты пробуешь, спотыкаешься, но идёшь дальше. Главное — сделал ли ты выводы или нет. Я часто думал, что мне такое придумать, чтобы быстро и много заработать. Но чаще решал желудок, и я соглашался с тем, что было. Никогда не переставал пробовать что-то новое.

Как-то ,я очередной раз, приехал к сестре — в то время она работала в модном бутике. Она посмотрела на меня с ног до головы и спросила: «А не хочешь со мной поработать?» Я не расценивал её предложение как работу, скорее как временный заработок. После чего, она засунула руку мне в нагрудный карман — в мою любимую, на последнем издыхании, кожаную куртку — и резким движением вырвала кусок куртки вместе с карманом. Я начал истерить, на что она, не обращая на меня и мои визги внимания, хладнокровно сказала:

— Пойдём, купим тебе куртку новую.

Я был в некотором шоке, но пошёл за ней — выбора она мне не оставила. Она выбрала мне и купила куртку. Так я начал работать в мультибрендовом сетевом бутике.

Я работал по выходным целый день, а по будням — после обеда. Как и на рынке, выходной — понедельник. Как у работника, у меня была скидка на все брендовые вещи этой сети, так что меня быстро одели в модные брендовые вещи и, как говорится, стал жених, что надо.

Коллектив был в основном женский. Я даже не заметил, в какой момент девчонки перестали воспринимать меня как мужчину, а стали относиться ко мне как к подружке. Они обсуждали ухажёров со всеми интимными подробностями и переодевались, будто меня не существует. Работа в женском коллективе дала мне многое. Так как я умел слушать и анализировать, я понял, о чём думают женщины, их проблемы, страхи и мечты.

Я работал с одним модным джинсовым брендом вместе с Анжелой. Ей было чуть больше тридцати, и она тусила на все сто процентов. Она часто приходила на работу с клуба или от очередного ухажёра, и потом ,полдня ,могла дремать в примерочной. Я же быстро втянулся в продажи. Помимо языка без костей, я научился читать людей. Я с первого взгляда мог определить размер, есть ли у них деньги, готовы ли они покупать или нет. Я начал обращать внимание на мелочи, какая обувь, какое портмоне, какого качества одежда, сколько украшений и каких. Если заходил мужчина, то я сразу понимал, что он купит в течение двадцати минут ,с вероятностью девяносто процентов. А вот женщины могли мерять по три часа и ничего не купить. Но и с такими я тоже быстро на-

шёл язык. Немного флирта и комплиментов плюс «последняя вещь в этом размере». И вот я уже выбил чек счастливой обладательнице очередных джинсов.

Сказать, что работа была сложная? Нет. Да и зарабатывал я в то время неплохо. Самое сложное — это поступление новой коллекции. Тебе звонят, что приходит товар, и его сначала выгружают на склад, где вы принимаете товар по накладным, а потом начинаете резать бирки.

Почему мы частично резали бирки? Человеческая психология. Вещи все были оригинальными и высочайшего качества — это был европейский бренд. Но бренд всю коллекцию ошивает на разных фабриках по всему миру. Например, дорогой бренд мог в Индии заказать хлопковые майки, хотя бренд немецкий. И на майке было две этикетки: на одной написано «Бренд такой-то, Германия», а вторая — «Произведено в Индии». Мы отрезали этикетку «Произведено в Индии», потому что это смущало людей. Они не готовы были платить за майку, произведённую в Индии, пятьдесят долларов, а за ту же майку, но с надписью «Германия», — готовы.

Так я понял, что люди часто готовы переплачивать за иллюзию.

Работа мне не нравилась, да и пределом мечтаний это не было. Через некоторое время я понял, что всё, что я мог, я взял от этого места, и что я не собираюсь здесь сидеть до пенсии. Да и я видел, как люди живут на пенсии, так что я на неё никогда не рассчитывал.

Артур иногда подключал меня к организации вечеринок, и мне нравился этот замечательный мир закулисья шоу-бизнеса. Так мы как-то заехали к Павлу Феликсовичу. У него было концертное агентство. Он был довольно приятный и живой мужчина сорока плюс. Он организовывал крупные мероприятия на разных площадках. В основном, это были попсовые артисты, но на них и делались большие деньги. Там я познакомился с очень амбициозным парнем Федей. Он был очень талантливым дизайнером: мог на компьютере за пять минут отрисовать любой макет афиши, логотип и всё, что с дизайном связано. Он делал флаеры и афиши, как Павлу Феликсовичу, так и Артуру. Я проработал почти год в магазине, но в конце осени этот бренд решили закрыть, и мне предложили перевестись на новое место, но я отказался. Я перебивался непонятными заработками до первых чисел декабря, пока мне не позвонил Артур и не сказал, что есть новогоднее мероприятие, и он хочет, чтобы я поучаствовал. Мне это было интересно, и я, не раздумывая, согласился. Через час мы уже приехали к заказчику на квартиру. Это была захламлённая квартира, где в гостиной стоял большой стол для переговоров. Когда мы вошли в комнату, за столом уже сидели Марк и Паша. С Пашей я уже был знаком с прошлой новогодней вечеринки, а вот Марка я видел впервые. Это был здоровенный, выше двух метров австриец, с безумным взглядом и лысиной на темечке. Он ругался с Пашей на ломаном русском, пытаясь ему что-то объяснить. Мы молча се-

ли и начали наблюдать, не вмешиваясь. Паша пытался объяснить, что организовать вечеринку таких размеров, за такой короткий срок, почти невозможно за тот бюджет, который он предлагает. Марк отсчитывал деньги и швырял в лицо Паше, крича: «Возьми эти деньги! Ты хочешь только мои деньги!» Паша спокойно собирал со стола и с пола деньги и швырял ему в лицо обратно со словами: «Мне не нужны твои деньги, ты бредишь. За эти копейки то, что ты хочешь сделать, это нереально». Так продолжалось примерно с час. После чего Марк согласился. Он ещё достал денег и, положив кучу на стол, сказал: «Это предоплата. Ты согласен?» Они пожали руки, и мы начали обсуждать план.

План был организовать в огромном коттедже Марка новогоднюю вечеринку с тремя танцполами, и всё это нужно было сделать меньше чем за месяц. Провести вечеринку — это просто, но организовать с продажей билетов, рекламой и так далее — это была ещё та задача! Я пока слушал и не вмешивался. Уже через час, мы подъехали к пятиэтажному коттеджу. Это был не классический коттедж. Это был монстр на окраине посёлка, где в один из гаражей входили, как по высоте, так и по длине две фуры с прицепами. Это был монстр, который строился под производство. Коттедж был без отделки совсем. Голые стены и даже не везде отштукатуренные. На лестницах не было перил — просто бетонная коробка с окнами, светом и отоплением. Мы шли за Марком, а он, такая в пустые бетонные помещения, рассказывал, что здесь

будет ресторан, тут чиллаут с меховыми шкурами и так далее. Я не верил, что все это можно повернуть за месяц. Здесь было работы на полгода минимум. Только когда мы дошли до пятого этажа и он спросил у Паши: «Ты точно это сделаешь за месяц?» — я понял, что всё, что он говорил про оформление и так далее, нужно сделать за месяц. Да какой месяц — до Нового года оставалось двадцать шесть дней. Паша сказал, что с бюджетом, который он назвал, всё будет готово. Они пожали руки, и уже через час мы трое — Паша, Артур и я — сидели в кафе и писали план, и кто что делает. Список был огромный, и задач было море. Паша шёл по списку и раздавал задачи. Мы разошлись за полночь.

Утром мы встретились у Марка дома, и Паша выдал план Марку. Всё было расписано по пунктам. Они, как всегда, покидались говном друг в друга, потом пожали руки и мы приступили. Первое: я арендовал машину с водителем. Второе: мы взяли в аренду сотовый телефон. В то время я ходил с пейджером, а сотовый стоил как машина, и связь была безумно дорогой. Мы разделили задачи, и работа закипела. Каждое помещение было отдано одной команде дизайнеров. В каких-то комнатах дизайнеры могли творить, что хотели, в каких-то, были конкретные техзадания. Например, чиллаут, я уже говорил, должен был быть похожим на берлогу со шкурами, а, допустим, ресторан Марк хотел покрасить в вертикальную разноцветную полоску. Я мотался по городу, скупая всё необходимое, и привозил на площадку. Потом мы до

глубокой ночи мастерили всё необходимое: например, вместо перил мы связали из веревок сеть и натянули её с первого до пятого этажа. И таких мелочей было море. Площадка гудела во всех комнатах — что-то делалось и мастерилось, а на заднем фоне ,всегда играла музыка. Многие дизайнеры и подрядчики спали прямо на площадке. Я же, каждое утро ,садился в арендованный автомобиль и мчался вычёркивать очередной пункт из списка. Телефон не замолкал: если не звонил я, то звонили мне и говорили, что ещё нужно решить или купить. С каждым днем, был виден процесс продвижения к цели. Задачи решались быстро и хаотично.

Как-то, на очередном собрании встал вопрос с рестораном. Чем кормить посетителей. Нам не нужна была высокая кухня со столиками. Нам нужно было набить желудки посетителей, которые, в своей основной массе ,были молодёжь. Я предложил шаурму. Когда я работал в бутике, я часто обедал шаурмой, которая была рядом. Там был очень добродушный, худощавый кавказец, с которым я сдружился. Все одобриительно кивнули, и я поехал с ним договариваться. Когда я рассказал Арсену своё предложение, он сразу подумал, что я шучу. Потом начал задавать вопросы. На его вопрос, сколько человек, я сказал, что человек пятьсот точно нужно накормить и напоить. Он начал сразу вслух перечислять меню: шаурма, шашлыки, готовые десерты и так далее. Так у нас закрылся вопрос с кухней.

Наверное, с числа двадцать пятого ,я уже не ездил ноче-

вать домой, а спал тоже на объекте, в чиллауте. Там, как раз всё закончили и были матрасы, на которых часто кто-то спал. Последние дни были самые жаркие — все пытались успеть и были на нервах. Периодически появлялся Марк и, как всегда недовольно, истерил, осматривая помещения. То полоска не той ширины, то шкуры не того цвета и так далее. Но я видел по его лицу, что он был доволен. Это читалось в его барской походке и улыбке, когда он заходил в очередную комнату.

Тридцать первого числа я проснулся, сходил уже в работающий ресторан к Арсену и, взяв кофе, сел в угол насладиться утренней трапезой. Было рано, и не звучала музыка, никто не сверлил, не стучал — было какое то утреннее затишье. Вскоре пришёл Паша и спросил: «А что с пиротехникой?» Я спокойно достал листик, пробежал по всему списку, который был весь зачёркнут, и в конце сказал, что у меня этого нет. Паша достал триста долларов и сказал: «Ден, купи всё на твоё усмотрение». Триста долларов — это большие в то время деньги, и я даже переспросил: «Точно на всё?» Он утвердительно кивнул и побежал дальше по делам. Я позвонил водителю, и уже через час мы были на рынке и покупали пиротехнику. Мы загрузили Audi 100 универсал по самую крышу, и даже задние сиденья тоже были завалены. Честно, водитель очень ныл всю дорогу, что не дай бог это всё взорвётся в машине, и даже запретил мне курить на переднем сиденье. Вернувшись на объект и выгрузив всё в маленький гараж, я наконец рассчитался с водителем, отправив его до-

мой, и пошёл решать подготовительные вопросы. Уже приехала охрана и начала, как мы называли, чипировать людей. Они ходили вместе с Артуром, и он говорил, какого цвета им одеть браслет. Цвет означал твой уровень и допуск. Например, пятый этаж был только для персонала, и так далее. Площадка кипела в предвкушении начала.

Ко мне подбежал Артур и сказал, что на подъезде к коттеджу, в поле, застрял микроавтобус с пластиковыми стульями, и что нужно решить этот вопрос. У меня, на тот момент, была большая связка ключей от коттеджа и квартиры Марка, и на ней я видел ключ Toyota, а рядом стоял большой белый Toyota Land Cruiser. Я нажал на кнопку на ключе и услышал, что Land Cruiser откликнулся. Долго не думая, мы с охранником закинули тросы в машину и поехали вытаскивать микроавтобус. Было холодно и много снега, поэтому, даже этому полноприводному монстру было нелегко тянуть по сугробам гружёный микроавтобус. Доехав до коттеджа, я глянул на часы — уже было часов восемь вечера, и начал подтягиваться народ. Взглянув на себя в зеркало, понял, что я не мылся и не переодевался дня четыре. Мне нужно было съездить домой, переодеться. Так как я отпустил машину, мне не на чём было ехать. Но я уже сидел в прогретой машине, и решил ехать на ней. Но, чтобы было понятно, прав у меня не было. Я завёл машину и уже тронулся, когда наперерез бросился Артур. Я остановился, и он спросил, куда я еду. На мой ответ, что домой переодеться, он сказал, что он

со мной, и, прыгнув в машину, мы поехали в сторону города. Артур жил по соседству, в моём дворе. Уставший, но взбодрённый адреналином, я вошёл в квартиру. Везде горел свет, и был уже накрыт новогодний стол. Меня встретил отец и спросил, на чём я приехал. Я отшутился, что на троллейбусе. На что, тут же получил подзатыльник со словами: «Я видел, на чём ты приехал. Почему ты за рулём? У тебя ведь нет прав!». Я сказал, что попросил Артура проехаться по двору. После чего, получил лекцию, по пути в душ. После душа, переодевшись, я поздравил родителей с Новым годом и пошёл к машине. Вскоре вышел и Артур. Я видел, что мои родители смотрят в окно, поэтому за руль сел Артур. Мы быстро домчали до коттеджа. Было уже одиннадцать вечера, когда мы еле припарковались из-за большого количества автомобилей наших гостей. На входе стояло человек пятьдесят, гремела музыка, а все окна коттеджа переливались разным цветом световых приборов. Мы важно прошли мимо стоящих в очереди и зашли в коттедж. Внутри было безумие: все нарядные, немного выпившие, танцевали, разговаривали, смеялись — одним словом, веселились. Я обошёл все этажи — всё было готово, как и обещал Паша. Я пошёл в бар, взял бутылку шампанского, сел сверху на колонну и, сделав большой глоток холодного шампанского, закрыл глаза и наконец-то выдохнул. Я чувствовал, как бас динамика проходит через моё тело и расслабляет его, как массажёр.

Мою релаксацию прервал Паша.

— Денис, а что с фейерверком?

— Всё купил и сложил в гараже. Дать ключи? — сказал я и протянул ему связку ключей.

— Ты чё, гонишь? Я сейчас за вертушки становлюсь, фейерверк в полночь — на тебе, — сказал он и пошёл за пулыт.

Я посмотрел на часы — было одиннадцать тридцать, до Нового года оставалось тридцать минут. Я поставил шампанское и побежал в гараж, по пути взяв с собой охранника. Мы начали таскать фейерверки на поле и расставлять в линию. Закончили без трёх минут полночь. В этот момент я подумал: а чем всё это поджигать?

Я достал из заднего кармана потрёпанный листок формата А4, где мелким почерком, с двух сторон были расписаны задачи, и гордо посмотрел на него. Все задачи были вычеркнуты. Я поднял взгляд на, стоящий в двухстах метрах, коттедж. Я не верил, что всё получится, но, глядя на список и понимая перечень задач, которые мы сделали, я понял: нет непреодолимых целей — нужен список задач и педантичное, системное выполнение.

Я закурил сигарету, скрутил листок в трубочку и поджёг его. Поднеся горящий листок к фитилю, я поджёг один за другим фейерверки. С другой стороны поджигал охранник. Мгновение — и с громкими хлопками фейерверки начали взмывать в небо.

— С Новым годом, Денис. На тот момент мне было семнадцать лет

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.